

ВТОРОЙ ГОД ЭКСПЕДИЦИИ (сентябрь 1949 – август 1950 г.)

Откочевав от побережья, Тымнэнэтын поставил свое стойбище вблизи Амгуэмы и проходившей здесь трассы. В.Г. Кузнецова воспользовалась возможностью посетить «87 километр», помыться в бане, сделать необходимые закупки.

Тымнэнэтын и члены его стойбища активно демонстрировали В.Г. Кузнецовой, что ее дальнейшее пребывание в стойбище нежелательно. 6 октября 1949 г. в дневнике появилась первая жалоба на Тымнэнэтына: «Старик просто несносный, грубый». Он отказался вести дальше ее вещи, в это же время обнаружилась пропажа дневника, который Тымнэнэтын, как подозревала В.Г. Кузнецова, просто выбросил. Несколько днями позже «произошел ужасный факт»: Ятгыргын плюнул ей в лицо. О том, что именно послужило непосредственной причиной поступка Ятгыргына, В.Г. Кузнецова не написала, отметив лишь свою реакцию на это из ряда вон выходящее событие:

12 окт[ября 1949 г.]. <...> Это заключительный номер издательства надо мной. Выплакала свое горе, обиду,

оскорбление. Что делать? За что, во имя чего я так ужасно мучаюсь? [Кузнецова 1948–1951: 340].

Убедившись в очередной раз в том, что В.Г. Кузнецова покидать его стойбище не собиралась, Тымнэнэнтын перестал задерживаться вблизи «цивилизации». Уже в середине октября караваны перешли на левый берег Амгуэмы. 21 октября подошли к реке Кайэнгыргын, где зимовали в 1948/1949 гг. и двинулись дальше в сторону долины реки Экитыки и одноименного озера, окруженных сплошной грядой гор. И далее двигались по левому берегу реки Экитыки, перевалили Экитыкский хребет и подошли к реке «Вульхвувеем» (судя по карте, имеется в виду река Вульвывеем). Пересекли Вульвывеем и вышли в местность, которую «Тым[нэнэнты]н назвал Куверуеем», вблизи реки Кувэт (реки в бассейне реки Пегтыгмель). Зимовали на реке «Мэйнытэлеуээм» (на современной карте местность по Куулвэгыргыну, притоку Большой Осиновой и самой Большой Осиновой). Зимовка 1949/1950 гг. находилась гораздо дальше от побережья (Ванкарем), чем зимовка 1948/1949 гг. Стойбище Тымнэнэнтына как минимум в два раза дальше ушло в горы. Это была самая отдаленная кочевка за все время пребывания В.Г. Кузнецовой в экспедиции — расстояние, примерно равное 200 км [Кузнецова 1954: Л. 2].

Отношения с членами семьи Тымнэнэнтына продолжали оставаться весьма напряженными. В дневниках за этот период достаточно часто встречаются упоминания об этих тяжелых обстоятельствах полевой работы [Кузнецова 1948–1951: 340]:

4 ноября [1949 г.] <...> Ходила к Номг[ыргыну]. <...> Совсем другая семья, иная обстановка. Отдохнула от травы. Уже год живу у людей — собак, ненавидящих меня.

9 ноября [1949 г.] <...> Милый человек Номгыргын, разговаривал как с равной. Как я устала от повседневной грубости.

В это же примерно время Тымнэнэнтын вновь женился. 20 ноября состоялась свадьба Тымнэнэнтына и Эттыкутгэвыт. 24 ноября В.Г. Кузнецова сделала попытку покинуть стойбище Тымнэнэнтына, присоединившись к отъезжающим со свадьбы гостям (рис. 44, 45).

Рис. 44. Внутренняя часть яранги (чоттагын). Вблизи полога пьют чай Тымнэнэтын (справа), его жена Эттыкутгэвыт и Номгыргын. МАЭ РАН. И 1454-13

Рис. 45. Яранга Тымнэнэтына с приставленными к ней грузовыми нартами. Озеро Экитыки, 1950 г. МАЭ РАН. И 1454-16

24 ноября 1949 г. <...> Утром, не очень рано, Тымнелькот (Большой) разобрали ярангу и собрались к отъезду. Я подошла к их яранге, уже без реттема¹, около стоял Пелятгыргын, укладывали веици Тымлина и Тымнелькот. Я подошла и высказала желание кочевать вместе с ними. Узнала, что они кочуют в Кунтелек, а Тым[мнененти]н будет зимовать по Вульхвувеем. Пелятгыргын сказал, что его брат, старик, будет ругаться, не дав заранее согласия. <...> Тымлина, к которой я также обратилась с просьбой о совм[естной] кочевке, ответила: «Карем» [Кузнецова 1948–1951: 341].

Тем временем взаимное недовольство хозяев и гости, пожалуй, достигло предела. В ответ на пренебрежительное, оскорбительное отношение хозяев Варвара Григорьевна в сердцах отвечает действиями, как ей хорошо известно, совершенно не позволительными:

30 ноября [1949 г.] <...> Я не успела отскочить, хотя меня предупредили, что они снимают три осн[овные] жерди, как получила удар по голове упавшей тяжелой жердью. С гневом схватила кусок снега, лежавший у моих ног, и бросила в очаг. Гнев, обида заслонили рассудок. Э[тты]кутгеут заругалась, а я пошла к реке, подальше от людей, так ужасно, постоянно издевающихся надо мной [Там же].

Выходом из создавшейся ситуации стала возможность хотя бы на время покинуть ярангу Тымнэнэнтына. В.Г. Кузнецовой удалось вновь перебраться в ярангу Кэргуги, кочевавшего в это время неподалеку от стойбища Тымнэнэнтына.

3 декабря [1949 г.] <...> Караваны наши разделились: Тымненентин и Таегыргын поставили ярангу у реки внизу, мы же, Тымнелькот и Кергуги, — на возвышенности. Так как в моем караване нарты Тымнелькота, то я пошла вслед за Чейвуной. Когда распрягли оленей, Чейвуна сказала, чтоб я шла к Тымненентину, вероятно, думая, что рассчитываю остаться у них. Я не знала, как поступить. К Тым-

1 Рэтэм — покрывка яранги

ненентину возвращаться не хотелось. Пошла к Кергуги, с к[кото]рым разговаривала Пененует. Спросила ее, где мне быть. Она ответила: «У нас» (разговор с мужем она вела обо мне). Я откровенно проявила свою радость. Помогла ставить ярангу. Вечером не возилась у костра, как обычно бывало в яранге Тымненентина, а вошла в полог [Кузнецова 1948–1951: 340].

В 1950 г. В.Г. Кузнецова уже уверенно ориентировалась на местности. Вместе с чукчами она привязывала маршруты кочевий и места стоянок к имеющейся у нее карте Чукотки (в архиве, к сожалению, эта карта отсутствует).

14 декабря 1949 г. — 25 февраля 1950 г. — месяц и десять дней перерыва в записях. С 26 февраля по 24 марта 1950 г. В.Г.Кузнецова, очевидно, находилась в стойбище Алёля, брата Кэргуги. Она жила в разных ярангах стойбища, в частности у Етуги и Уваля. Записи за этот период очень отрывочны. В конце февраля стойбище Алёля находилось вблизи реки «Гитчён-веем» (Гитчен — левый приток реки Кувет). Ко времени весеннего отела откочевали вглубь тундры за р. Вулвувээм у «Анадырского хребта» (Анадырского плоскогорья).

Далее опять следует перерыв в записях до 12 мая 1950 г. Следующая книжка дневника открывается записью:

12 мая [1950 г.], днем выехали на собаках 12 нарт в бухту. Я с Сынком. На рассвете 13 мая подъехали к яранге Омругокая (южный). Часть каюров осталась у него ужинать, торговать и проводить налог (Умкауги) [Кузнецова 1948–1951: 344].

Очевидно, что В.Г. Кузнецова участвовала в это время в неких мероприятиях, связанных с выездной торговлей и налогообложением.

В конце мая В.Г. Кузнецова вернулась в стойбища, летовавшие у озера Экитыки вблизи гор Иргун'эй. Здесь недалеко друг от друга располагались яранги Тымнэнэнтына, Тымнэлкота, Номгыргына, Кэргуги, Майныкааквыргына, стойбища Омрытагына и Тымнэнкау. Стойбище Тымнэнкау было довольно большим, в него также входили яранги Тымнэнкера, Тынаан-

тына и Тнарэнтыгыргына, уже упоминавшегося «депутата» (рис. 46, 47).

В.Г. Кузнецова жила то в одной, то в другой семье, что вполне устраивало чукчей. В это благоприятное время года, когда стойбища оставались на одном месте (со стадом кочевали лишь пастухи), Варвара Григорьевна много фотографировала, и сейчас мы имеем счастливую возможность увидеть на фотографиях людей, с которыми она тесно общалась (рис. 48, 49, 50, 51, 52).

Она старалась делать серии фотографий, показывающих устройство яранги, процесс обработки шкур и т.д. Очень ценны пространственные и весьма подробные тексты описи негативов. Дневниковые записи, фотографии, опись иллюстративной коллекции с подробными и живыми описаниями снятых сюжетов, дополняя друг друга, дают великолепную возможность наполнить жизнью неподвижные и молчаливые изображения (рис. 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64).

Рис. 46. Две яранги кочевых чукчей Тнарэнтыгыргына и Кэргугэ. 1950 г., озеро Эки-тыки. МАЭ РАН. И 1454-171

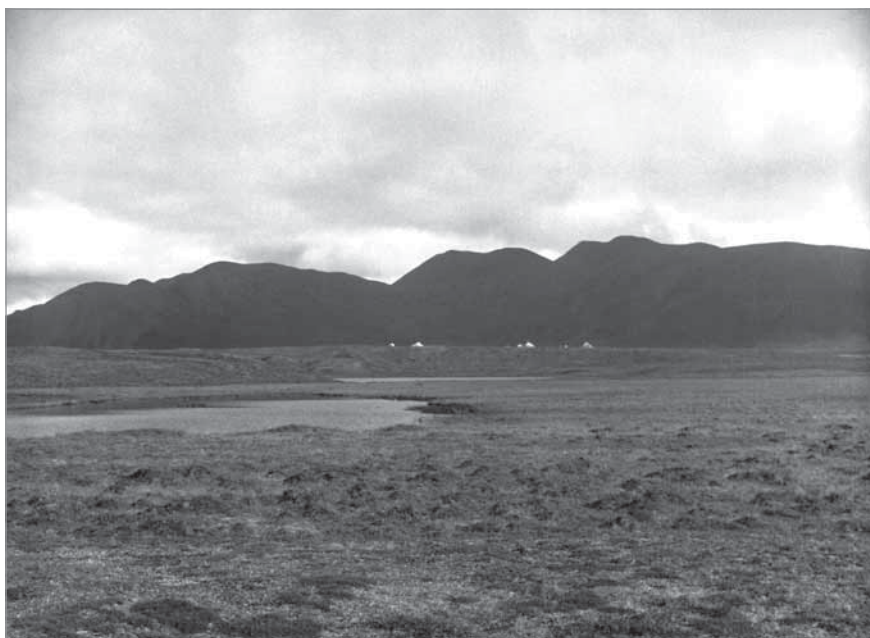

Рис. 47. Пять яранг двух близко расположенных стойбищ Майныааквугыгына и Тымнэтынагыгына. 1950 г., озеро Экитыки. МАЭ РАН. И 1454-168

Рис. 48. Чукчанка Пэнэнэут кормит грудью ребенка – сына Тэвлягыгына. На санках сидит мальчик Омрыятгыгын. МАЭ РАН. И 1454-139

Рис. 49. Яранга Тнарэтыгыргына. Вблизи входа в жилище стоят: хозяйка яранги Етгэвыт, ее трое детей (дочь Тнарэтынэут, сыновья Гэматынагыргын и Гатле), сосед по стойбищу Кэргүгэ. 16 июля 1950 г. МАЭ РАН. И 1454-192

Рис. 50. Подросток-пастух Кымытэгын; девочка Тнаринтынэут держит на руках своего братишку Гатле, на земле сидит другой ее брат Гэматынагыргын. Озеро Экитыки, весна 1950 г. МАЭ РАН. И 1454-144

Рис. 51. Двухлетний мальчик Гатле (в переводе на русский язык это имя обозначает «птица»), младший брат Гэматынагыгына. Гатле недавно начал ходить. Он предпочитает стремительный, быстрый (хотя еще и не очень твердый) шаг.
МАЭ РАН. И 1454-179

Рис. 52. Мальчик и Етгэвыт. На мальчике надеты бусы и браслет.
МАЭ РАН. И 1454-181

Рис. 53. Яранга без покрывки. Видны три пятника (вулвут), распирающие верхние части остова, придающие жилью большую прочность во время ветров. Полог висит на обычном месте у задней стены яранги. Около яранги на земле лежит снятая с нее покрывка. Справа сидит девушка из этой яранги Кэунэкай. Яранга Кэргугэ, озеро Экитыки, весна 1950 г. МАЭ РАН. И 1454-138

Рис. 54. Остов чукотской яранги с висющим в ней пологом. Ровдужная покрывка жилища лежит рядом с ярангой на земле. Слева стоит хозяйка яранги Пэнэнэут, справа на земле у полога находится ее ребенок. Фотография отражает весенний период в жизни оленеводов: окончена перекочевка к местам летнего обитания; женщины шьют летние покрыва яранг, заменяя зимние (в данном случае отражен момент, когда с жилища снят зимний рэтэм, и можно видеть как остов яранги, так и детали предметов, находящихся во внутренней части жилья).

МАЭ РАН. И 1454-157

Рис. 55. Северный «святой» угол в яранге (от входа в ярангу с правой стороны) вблизи полога, где хранятся священные предметы. На земле впритык к карте поставлен деревянный прибор для выжигания огня (милгымил); на поперечной жерди остова жилища повешены деревянные амулеты (тайныквыт). На веревке и на жерди, помещенной над пологом, развешено оленьё мясо. Яранга Кэркугэ, 1950 г., озеро Экитыки. МАЭ РАН. И 1454-151.

Рис. 56. Угол в яранге с северной «святой» стороны. Внешняя часть мехового полога, часть очага, около которого стоит кастрюля и чайник. Над очагом спускается железная цепь (гударачын) для подвешивания котлов и чайников. На земле вблизи нарты стоят деревянные доски для вытирания огня (милгыт). На поперечной жерди висят амулеты (тайныквыт). Развешено оленье мясо и кишки (элегйи). В углу на поперечной жерди висит начиненная жиром и мясом оленья колбаса (рорат). Яранга Пэнэ-нэут, озеро Экитыки, весна 1950 г.

МАЭ РАН. И 1454-153

Рис. 57. Очаг в яранге, обложенный по кругу камнями. Вблизи полога на веревке вялятся оленье мясо. Сухое оленье мясо (кыкватъол) служит питанием в качестве легкого завтрака. На поперечной жерди остова жилища вблизи полога висят амулеты (тайныквыт).

МАЭ РАН. И 1454-155

Рис. 58. Во внутренней части яранги (чоттагын) вблизи полога сидят дети: девочки Кэунэкай и Тнаринтынэут, мальчик Гэматынагыргын. На поперечной жерди остова яранги висят амулеты (тайныквыт). На веревке вялится оленье мясо. МАЭ РАН. И 1454-156

Рис. 59. Чукчанка Пэнэнэут шьет летнюю покрывку для жилища. Рядом с ней находится ее сын Тэвлягыргын. МАЭ РАН. И 1454-150

Рис. 60. Пэнэнэут занята пошивкой летнего покрытия яранги. Стоят: женщина из соседнего ближнего стойбища Рагтынаут, девочка Тнаринтынэут. Вдали видна яранга без покрышки. Озеро Экитыки, весна 1950 г.

МАЭ РАН. И 1454-158

Рис. 61. Чукчанка Етгэвыт обрабатывает оленью шкуру, устроившись на улице около яранги. Набросив шкуру на деревянную доску (виур), женщина счищает мездру при помощи скребка. На земле лежат два скребка, вправленные в деревянные ручки. МАЭ РАН. И 1454-203

Рис. 62. Девушка Омрывакатгавыт занята выделкой шкур. Она работает на улице за ярангой. МАЭ РАН. И 1454-207

Рис. 63. Девушка размягчает каменным скребком мездру обрабатываемой оленьей шкуры.

МАЭ РАН. И 1454-208

Рис. 64. Для проветривания мездры обрабатываемую оленью шкуру Омривакатгавыт раскинула на стоймя приставленные к яранге грузовые нарты. Омривакатгавыт одета в один нижний меховой комбинезон (кэркэр), обувь ее – камусные торбаза, окрашенные в темно-красный цвет глиной, носящие название по красителю – челгыегыт.

МАЭ РАН. И 1454-209

Запись от 25 июня 1950 года (фрагмент):

«Рано утром, я еще спала, Тымнэнэнтын с Номгыргыном ушли на рыбную ловлю. Эттык[ут]гэут и Омрувакатгаут на улице около яранги справа опаливали копыта, пантрат¹ и губы оленя от икрэр². Солнце. Проснулась, в чоттагыне никого не было, в большом пологе спал Омрыятгыргын. Оделась, умылась. Взяла за правило, каждое утро умываюсь и полощу рот. Страшно хотелось кушать. Омр[увакатгаут] предложила вчерашнюю рилкэрил, но не хотелось этой пищи. Горькая каша вызывала тошноту. Не стала и пробовать. От голода разболелась голова. Взяла фото, пошла на улицу. Допустила ошибку — не сняла уже заснятую пленку и еще простучала 12 раз впустую. Ошибку исправила, намотала новую пленку, засняла людей у костра, № 8. № 7 — вероятно испорчен — дважды заснято. № 7; № 8 — записано в фотожурнал. На улице же повесили котел и начали варить опаленное. Только после окончания своего дела вспомнили о еде. Достали натъёт. На улице у костра Тымнэлкот работал — обрабатывал железные вещи — нож энанвэнин'. [Кузнецова 1948–1951: 344] (рис. 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71).

3 июля В.Г. Кузнецова отправилась пешком на «87 километр». В пути, занявшем трое суток, ее сопровождали Кооквургокай, Тымэлкот и Кэргуги, намеревавшиеся сдать шкуры заведующему «лавкой» (торгово-заготовительным пунктом) в поселке Амгуэма А.М. Малыхину. Судя по перерыву в записях, до конца июля В.Г. Кузнецова пребывала в поселке.

30 июля она покинула «87 километр» вместе с Александром Федоровичем Деко, который занимался обследованием и отведением пастбищных территорий для колхоза «Тундровик» и с этой целью намеревался посетить стойбище Номгыргына. Из стойбища Номгыргына В.Г. Кузнецова вернулась к Тымнэнэнтыну.

1 Панралгын (мн. панрат) — камус (шкура с ног оленя).

2 Икырэр-- олень, убитый волками.

Рис. 65. Кочевой чукча Тымнэ́лкот перековывает нож из куска железа (части капкана). Тымнэ́лкот одет в нижнюю меховую рубаху мездровой стороной наружу, опушенную снизу белым собачьим мехом, и меховые брюки ворсом к телу. Ноги обуты в торбаза из нерпичьей кожи, обшитые сверху белой нерпичьей кожей с тонкими зигзагообразной формы полосками из окрашенной в красный цвет нерпичьей кожи; голова опоясана кожаным ремешком с кисточками.

МАЭ РАН. И 1454-296

Рис. 66. Перековка ножа из куска железа. МАЭ РАН. И 1454-298

Рис. 67. Две кочевницы – Эттыкутгэвыт и Омрывакатгавыт, опаливают на костре, разожженном на улице у яранги, копыта телят. Телята заболели «копыткой» (некробациллёзом) и были заколоты. У Тымнэлькота, занятого кузнечной работой, на головном кожаном ремешке пришиты бисерные подвески – серьги, спускающиеся до плеча. МАЭ РАН. И 1454-299

Рис. 68. Группа работающих у костра людей на фоне чукотской кочевой яранги. МАЭ РАН. И 1454-300

Рис. 69. Чукча Тымнэлкот использовал разожженный на улице между ярангами костер (на котором женщины опаливают оленьи ноги, а затем варят их в котле, подвешенном на треноге) для перековки нового ножа, приспособив для этой цели железную пластину от капкана.

МАЭ РАН. И 1454-301

Рис. 70. Тымнэлкот за перековкой ножа; женщины варят в котле опаленные олени копыта и опаленные срезы с оленьих шкур. 1950 г., озеро Экитыки, Амгумская тундра, стойбище Тымнэнэнтына. МАЭ РАН. И 1454-302

Рис. 71. Костер на улице вблизи яранги; на треноге подвешен котел с варящимися опаленными копытами. Туши заколотых телят, болевших «копыткой» (некробациллёзом). На заднем фоне видна яранга летнего периода с приставленными к ней грузовыми нартами, придающими жилью устойчивость в случае ветреной погоды. МАЭ РАН. И 1454-303